

pour chacun de nous; j'ai pris ces 600 frs ici sur l'argent commun; par conséquent, prenez chacune 600 frs, envoyez 600 frs à Olga⁴ et ceux qui étaient à moi, donnez 500 à Ogareff pour le mois d'août et conservez 100 qui lui seront remis en septembre.

Hugo doit se souvenir dans ses arrangements avec monsieur (le) corr(espoudant) que nous avons encore à payer les 5000 frs à la commune de Châtel, avec intérêt 5% depuis février 70, et 5000 frs à la maison Rothschild de London, si la maison de Paris ne les met pas en compte courant.

Sur tout le reste nous sommes d'accord^{39*}.

Итак, до свидания.

С а ш а

Ежели кому-нибудь хочется или нужно мне телеграфировать, то адрес просто: "Herzen, Bagni Lucca, Italie", qui en a, sans doute, besoin tout de suite^{40*}.

¹ Месяц и год определяются по содержанию (письмо написано через месяц после смерти Герцена). А.А. должен был приехать в Париж, чтобы включиться в дела по наследству; упоминаются деньги, завещанные Герценом Шательской общине, в Швейцарии, гражданином которой являлся; проценты с этой суммы начислялись с февраля 1870 г. Письмо адресовано в Женеву, куда в феврале 1870 г. переехали Та-та с Тучковой-Огаревой и Лизой.

² Гуго Шифф вел наследственные дела Таты и Лизы, опекуном которых являлся, и находился, очевидно, в это время в Женеве – по дороге из Флоренции в Париж.

³ Речь идет об одном из векселей Н.М. Сатина, присланных на имя Герцена в счет его долга.

⁴ Ольга и Мейзенбург находились в это время в Париже.

С.Л. ЛЕВИЦКОМУ

Публикация С.Д. Л и щ и н е р

В "амстердамской коллекции" сохранился черновой автограф письма А.А. Герцена из Лондона к его дяде (двоюродному брату Герцена) С.Л. Левицкому (Левицкий, 1819–1898), известному фотографу, жившему в Париже с 1859 до 1865 г. Письмо это написано 18 апреля 1863 г., в разгар польского восстания. В нем содержится существенный материал для понимания политических взглядов сына Герцена.

Известно, что в феврале 1863 г., во время пребывания в Лондоне члена ЦК "Земли и воли" А.А. Слепцова, сын Герцена вступил в это общество, взяв на себя обязанности его заграничного агента. 4 марта он отправился в Париж и Гейдельберг по делам общества, а 10 марта вернулся в Лондон, "исполнив все поручения", по свидетельству Герцена (XXVII, 295–297). Как можно заключить из письма Александра Александровича к отцу от 8 марта из Парижа, эти поручения были связаны, в частности, с помощью восставшей Польше и популяризацией деятельности "Земли и воли" во французской передовой прессе. Так, благодаря контактам А.А. Герцена с ее представителями в одной из парижских газет в эти дни было перепечатано письмо Герцена и Огарева к редактору "Morning Star" о слиянии "тайных кружков" в России в единое общество вместе с обращением ЦК "Земли и воли" о пожертвованиях (см. XVII, 54–55).

Посылая Герцену вырезку с этой публикацией, А.А. Герцен писал: "Польский вопрос двигаем вперед, и надежды много"; сообщал он и о намеченном деятелем польской эмиграции публицистом К.-Э. Хоецким "собрании на 14 марта" ("Лит. наследство", т. 63, с. 128^{41*}). В донесении же агента III Отделения Ю.-А. Балашевича-Потоцкого от 9 марта присутствуют све-

^{39*} Попросите Гуго договориться о переводе на вас векселя Сатина³. Он составляет 2400 фр., стало быть, по 600 фр. для каждого из нас; я взял эти 600 фр. здесь из общих денег; следовательно, возьмите каждая по 600 фр., пошлите 600 фр. Ольге⁴, а из тех, которые были моими, дайте 500 Огареву за август месяц⁵ и сохраните 100, которые ему будут вручены в сентябре.

Гуго должен помнить в своих сделках с господином корр(еспондентом), что нам предстоит еще заплатить 5000 фр. Шательской общине с уплатой 5%, начиная с февраля 70 г., и 5000 фр. лондонскому дому Ротшильда, если парижский дом не поместит их на текущий счет.

Во всем остальном мы согласны (*франц.*).

^{40*} Герцену, Баньи-Лукка, Италия", у кого, несомненно, в этом срочная надобность (*франц.*).

^{41*} Дата письма – в его перлюстрационной копии (Biblioteka Polskiej Akademii Nauk, Kraków; фотокопия РГБ).

дения о предшествовавшем “секретном собрании у Хоецкого, состоявшемся 6 марта, в котором участвовали. Герцен-сын и чех Фрич” (см. A. P o t o c k i. Raporty szpiega, t. I. W., 1973, s. 299). Эти сведения вошли и в ответ III Отделения за 1863 г. (ГАРФ, ф. 109, оп. 223 /85, ед. хр. 28, л. 329). В тот же день, 6 марта 1863 г., — вероятно, под впечатлением от этой встречи с А.А. Герценом — чешский публицист-демократ И.-В. Фрич писал в Прагу: “Герцен обещает наверняка восстание в России. Во всяком случае, там будут волнения” (R. K o s í k, A. G r e b e n i ť k o v a. J.V. Fríša rustí revoluckí demokrate. Praha–Moskva, 1953, č. 10, s. 81).

Эти документы очерчивают круг контактов и духовную атмосферу, в которой действовал А.А. Герцен в Париже. В письме его от 8 марта намечена также еще одна линия возможного общения — родственного: “Левицкий хворает”. Письмо же к сестре Тате, написанное А.А. Герценом уже по возвращении в Лондон, 24 марта, не только подтверждает факт такой встречи, но и раскрывает преобладающее содержание беседы, вполне естественное в контексте описанной боевой настроенности молодого члена “Земли и воли” (см. предыдущую публикацию, п. 1).

Так обнаруживается отправной пункт принципиальной полемики об истинном и ложном патриотизме — она развертывается в публикуемом письме. Все стадии спора проследить нет возможности, но, во всяком случае, очевидно, что он был продолжен в неизвестном письме Левицкого, на которое отвечал А.А. Герцен. При этом придерживавшийся верноподданических взглядов Левицкий, как можно предполагать, вовлек в орбиту полемики и последние статьи Герцена на эту животрепещущую тему — “Плач”, “Бедное русское имя”, проникнутые болью и стыдом за родину — “опозоренную мать”, которую бесчестят злодеяния царских усмирителей Польши (XVII, 65–69, 117–118; напечатаны в “Колоколе”, л. 158 и 160 от 8 марта и 1 апреля 1863 г.). Левицкий возражал, очевидно, утверждая, что не стыдится, а гордится тем, что он русский.

С прямых полемических откликов на эти утверждения начинается настоящее письмо А.А. Герцена, развивающее в боевой, эмоциональной форме идеи подлинно революционного, демократического патриотизма — в противоположность официозному, казенному, не отделяющему любовь к отечеству и народу от преклонения перед царской империей, душительницей свободы своего и других народов. Письмо обнаруживает, таким образом, не только солидарность с ведущими идеями публицистики Герцена, но и их глубинное воздействие на молодого деятеля “Земли и воли”^{42*}.

В 1970-х годах в одном солидном научном издании было напечатано, будто сын Герцена вступил в общество “Земля и воля” в результате случайного увлечения, “под влиянием общения с Бакуниным”, а “Герцен-отец, не видевший в 1863 г. никаких надежд на революцию в России, весьма отрицательно относился к сближению сына с Бакуниным” и т.д. (см. статью Е.Н. Дрыжаковой “Достоевский и Герцен. У истоков романа “Бесы” в сб. “Достоевский. Материалы и исследования. I.” Л., 1974, с. 229). Такие утверждения, в которых смещены все акценты, можно в какой-то мере отнести за счет нехватки документальных материалов для характеристики самих взглядов А.А. Герцена в начале 1860-х годов. Тем больше значимость настоящего письма — в соотнесении, разумеется, с известным ранее текстом речи А.А. Герцена на банкете в Стокгольме 28 мая 1863 г. (см. “Проблемы...”, с. 507–512). Притом, если в своем публичном выступлении, выражая веру в зреющую в недрах русского народа социальную революцию, А.А. Герцен как бы представительствовал “от имени русской молодежи”, от имени редакции “Колокола” и организации “Земля и воля”, то здесь, в частном письме, мы имеем дело с заветными убеждениями личности, высказываемыми со всей страстью молодости.

Среди публикуемых в настоящем томе документов есть и другие свидетельства, подтверждающие серьезность политических интересов А.А. Герцена в это время, углублявшихся за годы революционной ситуации под личным и идейным воздействием Герцена и Огарева. Граждански-патриотические устремления молодого доктора медицины стимулировались ростом освободительного движения в России и общением с деятелями революционной демократии, приезжавшими за границу.

Герцен приветствовал это усиление гражданской активности сына. “Я желаю, чтоб ты этим путем шел, чтобы я мог (...) тебе завещать часть нашего дела”, — писал он 21 декабря 1861 г. в Гейдельберг (XXVII, 203). И весной 1863 г., в дни, когда развертывался принципиальный спор А.А. Герцена с Левицким, Герцен, подготавливая следующую поездку Александра — в Швецию, с целью расширения революционной пропаганды и заключения союза с финскими демократами, характеризовал его в письмах к деятелю финского освободительного движе-

^{42*} Шутливый отголосок продолжения этого спора, в котором вероятно и личное участие самого Герцена во время возможной встречи с Левицким в Париже 4 или 5 декабря 1863 г., мы находим в письме его к Левицкому от 28 декабря 1868 г. (см. XXVII, 394).

ПОЛИНА ЛЕВИЦКАЯ

Фотография С.Л. Левицкого. Петербург, 1867

Музей Герцена, Москва

ния Э. Квантену как человека, заслуживающего полного доверия в самых секретных делах и могущего в них отлично заменить его самого (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 375–376, 378).

Письмо публикуется впервые по фотокопии РГБ с автографа ИСГ.

18-го апр(еля) 63. Лондон

Любезный Сергей Львович!

В одном я совершенно с вами согласен – и я горжусь, что я русский. Но что значит быть русским? Значит ли это душой и телом принадлежать и во всем повиноваться гнусному, иностранному, немецкому раку, искажающему историческую роль славянского племени вообще и русского в особенности, отравляющему жизненные силы нашего доброго и простого народа, ведущему его резать и жечь соседа, с которым он жил бы преспокойно, оставляя его устраиваться у себя, как сам знает, – сделавшему, наконец, из русского воина, которого храбрость и хладнокровие в битве до сих пор не могут забыть ни англичане, ни французы, – сделавшему из него пьяного разбойника, дикого зверя, который отказывается от боя (в продолжение 4-х месяцев 120 000 регулярного войска не могут побить несколько кучек невооруженных волонтеров!!! Позор какой!) – и который идет вперед только тогда, когда видит случай безнаказанно ограбить и сжечь какую-нибудь деревушку или какой-нибудь панский дом... Полноте, это не значит быть русским (это значит быть глупым или быть подлецом).

Я горжусь, что я русский, что я не принадлежу к меньшинству той части русских, которые были онемечены п(етер) б(у)ргским правительством, вырваны из народа и

ВЛАДИМИР И ЛЕВ ЛЕВИЦКИЕ

Фотография С.Л. Левицкого. Париж, начало 1860-х годов
Музей Герцена, Москва

сколочены в рамки немецкой сословности и чинов, к тому меньшинству (этой части) ее, которое, наконец, покраснело, почувствуя позор, которому оно предавало и себя, и свою нацию, которое, наконец, поняло потребности, стремления неонемеченной части, т.е. народа, и которое душою и телом предано этому народу, русскому народу, и жертвует собой, для того чтобы избавить несчастный, добрый народ его от немецкой болезни, отравляющей его жизнь, и дать ему развиваться свободно, по-своему, так, как он сочтет лучшим, а не так, как сочтут лучшим племянник прусского жандарма под короной¹ и разные – берги и цвейги. Ежели и вы любите в нашей родине то, что ее: ее народ, с его желаниями, с его тихой, мирной жизнью, ежели и вам дорого достижение его блага, его мощного развития, то давайте вашу руку – тогда мы оба русские; ежели же вы у нас любите и уважаете одну немчизну – тогда вы не русский, а немец, тогда вам у нас нечем гордиться, а в Пруссии есть чем.

Чего “Nord” испугался? Вчера он уж почти заикнулся о войне². Что говорят у вас об этом?

Осмеливаюсь советовать вам читать в “Колоколе”, по крайней мере, *официальные бумаги и факты, доказанные документами*, потому что, вероятно, об гл(авных) статьях при вас и упомянуть нельзя. Напр(имер): “Молодецкое поведение солдат”, № 160³, “Передняя тешится – полиция тоже”, № 161⁴ и т.д.

Я не хочу, чтобы ваши дети ошибались на мой счет, и прошу вас поэтому прочесть это письмо всему вашему семейству, и передать с тем вместе нижайший поклон Анне Антоновне⁵, Pauline⁶ и молодым людям⁷ и Петрофуфу⁸.

А вам искренняя, глубокая благодарность за портреты.

¹ Мать Александра II императрица Александра Феодоровна была родной сестрой прусского короля Вильгельма I (ср. XVII, 37, 60).

² В передовице "Nord" от 17 апреля 1863 г., в связи с обнародованными в этот день ультимативными нотами Англии, Австрии и Франции правительству Александра II по польскому вопросу, говорилось о неизбежности европейской войны.

³ Под этим заглавием и с редакционным послесловием (XVII, 311) были опубликованы в "Колоколе" от 1 апреля два документа: записка предводителя дворянства Брестского уезда А.А. Вильчевского гродненскому губернскому предводителю дворянства о зверских убийствах крестьян и помещика, грабежах, учиненных казаками в дер. Долбизна, и предписание гродненского генерал-губернатора к местным помещикам – в связи с военным положением возвратиться из городов в собственные имения.

⁴ Под этим редакционным заглавием в "Колоколе", л. 161 от 15 апреля, помещена корреспонденция из Москвы о бездействии московской полиции в пресечении воровства и о "секретном спектакле" в Малом театре, – инспирированном министром двора гр. В.Ф. Адлербергом пасквиле на молодое поколение (см. XVII, 329–333).

⁵ Анна Антоновна – жена С.Л. Левицкого.

⁶ Дочь С.Л. Левицкого.

⁷ Сыновья -близнецы Левицкого.

⁸ Семейное прозвище П.А. Захарьина.

Л. ПЬЯНЧАНИ

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о^{43*}

Публикуемое письмо обращено к одному из видных деятелей итальянского национально-освободительного движения Луиджи Пьянчани (1810–1890). С ним Герцен познакомился в Англии (где Пьянчани жил с 1851 по 1856 г.), вел переписку и впоследствии встречался. Письма Герцена к этому корреспонденту, впервые опубликованные в т. 64 "Литературного наследства", позволяют составить достаточно ясное представление о Пьянчани и его взаимоотношениях с Герценом в те годы. Причина охлаждения Герцена к Пьянчани в начале 1860-х годов связана с отходом итальянского революционера от республиканских идей. Переписка Герцена с Пьянчани после отъезда последнего из Лондона носила исключительно деловой характер, а потом и вообще стала эпизодической. А.А. Герцен познакомился с Пьянчани еще в Лондоне. Характерно, что в своих письмах к Герцену Пьянчани почти всегда осведомлялся о его детях. Он познакомил Герцена с Ж. Доманже, который стал любимым учителем Саши и отношения с которым сохранил на всю жизнь. Публикуемое письмо свидетельствует о дружеских отношениях Пьянчани с сыном Герцена и о сохранившейся его близости со всей семьей. Сам Герцен во время пребывания во Флоренции в 1867 г., по-видимому, встречался с Пьянчани. Интересно, что обстоятельства его личной жизни явились предметом размышлений Герцена о роли "женского элемента" в семье (наряду с собственной жизнью и жизнью Огарева – XXIX, 24). В публикуемом письме речь идет, по-видимому, о неизвестном нам рекомендательном письме Пьянчани для Ольги и Таты Герцен, находившихся тогда с М. Мейзенбуг в Риме. Причина такого обращения понятна: Пьянчани был уроженцем Рима, провел там детство и юность и пользовался не только известностью, но и популярностью (впоследствии он был первым мэром Рима).

А.А. Герцен рекомендует Пьянчани доктора Э. Левье. Публикуемое письмо подтверждает их дружеские взаимоотношения. Это дает возможность уточнить комментарий к письмам Герцена в 30-томном Собрании сочинений, где Левье упоминается лишь как флорентийский врач, сыгравший двусмысленную роль в истории дочери Герцена Таты с Пенизи. Следует отметить, что Левье подружился с А.А. Герценом еще тогда, когда учился в Берне (они ровесники). С Левье связана поездка А.А. Герцена в Невшатель осенью 1859 г. Он был коллегой А.А. Герцена в лаборатории М. Шиффа, заменял своего приятеля во время его отлучек из Флоренции. Левье принадлежал к кругу Шиффа и А.А. Герцена по общности научных интересов, был предполагаемым участником проектируемого ими журнала (см. XIX, 472). Александр Александрович сотрудничал с Левье и в лозаннский период своей деятельности. Левье лечил его близких: Тутса, Мейзенбуг, Г. Моно. В 1867 г. сам Герцен советовался с ним по медицинским вопросам (XXIX, 40). Вопрос о том, что надо выписать Левье, вставал и тогда, когда Огарев сломал себе ногу (XXIX, 280). В 1869 г. Левье спас жизнь новорожденному внуку Герцена Владимиру. Примечательно, что Герцен послал для Левье второе издание французского перевода "Доктора Крупова" (XXIX, 276). Посылая сыну корректуру "Анти-Крупова", т.е. "Aphorismat'y", он просит прочитать вслух это свое произведение Мейзенбуг, Тате, Шиффу

^{43*} Письмо переведено с французского автором публикации, Л.И. М а т ю ш е н к о.